

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

...Прежде чем говорить о нем (втором подвале Питейного откупа. – **О. Г.**), надо обсудить одно важное обстоятельство. Дело в том, что сказанная аллея (Городского сада. – **О. Г.**) до некоторых пор была проездной, собственно говоря, продолжением Ланжероновской улицы, и разделяла два квартала – LXIV и LXV. Второй из них изначально полностью принадлежал Феликсу де Рибасу, в первом находился питейный подвал и другая недвижимость, о которой еще пойдет речь. В 1806-м два дома де Рибаса перешли в казенную собственность, а расположенный меж ними сад он подарил городу. Вынужден заметить, что подарок этот, очевидно, был вынужденным, ибо, лишившись домов, он так или иначе не смог бы сохранить сад в одном из центральных кварталов, предназначенных под застройку.¹⁰⁴ Герцог Ришелье увеличил территорию бывшего сада Дерibasа присоединением куска улицы и частью лежащего за ней квартала LXIV. Это означало существенное изменение магистрального маршрута от Херсонской рогатки до будущей Таможенной площади. Если ранее с Херсонской улицы можно было попасть непосредственно на Ланжероновскую, то после фактического объединения LXIV и LXV кварталов в один (хотя формально прежняя нумерация сохранилась) гужевому транспорту приходилось объезжать Казенный сад по Дерibasовской. Впрочем, путь удлинился незначительно – несколькими десятками метров по Преображенской. Именно этим маршрутом следовал в пушкинское время транспорт, въезжающий в центр с Херсонской улицы.

Но вернемся ко второму питейному подвалу, вид которого открывался на повороте с Херсонской на Преображенскую. Он рас-

* Продолжение. Начало в кн. 64.

полагался в пятне застройки нынешней Научной библиотеки Одесского университета имени И.И. Мечникова, и в его истории имеются отдельные лакуны, впрочем, не чересчур существенные.

Библиотека находится в пределах мест № 704-705 LXV квартала Греческого форштата. Эти места, как и примыкающие к ним со стороны Городского сада места № 706-707, где находился летний театр Одесской филармонии, а до революции так называемое Отделение Городского сада (сдавалось в аренду), изначально были отведены небезызвестному Михаилу Михайловичу Кирьякову (старшему). Затем все эти места перешли к городовому врачу, первому директору Городского госпиталя Джованни Франческо (Ивану Францевичу) Капелло, о котором у меня есть отдельная обстоятельная публикация.¹⁰⁵ Весной 1809 года возникла проблема дефицита помещений для расквартирования в городе штаб-офицеров, и 27 апреля Ришелье решил продать небольшой обветшавший казенный дом на углу будущей Полицейской улицы и Александровского проспекта – с тем чтобы взамен приобрести более просторный и прочный частный. Капелло предложил свой дом со службами, недавно построенный на местах № 704-705, по смежности с австрийским консулом фон Томом, владевшим местами № 702-703 по будущей Преображенской, к переулку.

Городской архитектор Франческо Фраполли освидетельствовал постройки, и 3 июня 1809 года Строительный комитет обсудил результаты обследования и кондиции приобретения. В натуре обнаружился дом габаритами 5 сажень 1 аршин на 4 сажени 1 аршин. Сени одни, покой (жилая комната) с деревянной перегородкой 1, кухня с 2 чуланами, 1 голландская печь, 1 очаг, 1 «варистая печь», 4 двери с прибором, окон со стеклами и приборами 3, пол и потолок дощатые, весь дом покрыт по стропилам гонтою (деревянной черепицей, дранкой). При доме погреб, отделан штукатурным (пиленным по определенному формату) камнем 3 на 3 сажени: в нем 1 дверь, 2 окна, крыт камышом. Во дворе флигель 13 сажень 1 аршин на 2 сажени 2 аршина 8 вершков из 8-вершкового камня в одну штуку; в нем 5 покоев, 1 кухня, 1 кладовая, 3 деревянных сеней, 1 чулан, дверей с приборами крашенных 9, окон со стеклами и приборами 8, печей голландских 4 и варистая 1, полы и потолок дощатые, крыт дранью на одном скате, выштукатурен изнутри

и снаружи. В конце флигеля маленький погреб. Сарай с погребом из бутового камня 6 на 3 сажени и 1 аршин. Сарай под дранью, погреб под черепицей – в нем створчатые двери, 1 окно. Землянка из бутового камня 3 сажени 2 аршина на 2 сажени 2 аршина – в ней 1 людская, 2 варистые печи, 3 окон со стеклами, 2 двери, покрыта землею. Ворота деревянные с калиткою и деревянными дверьми на каменных столбах, сверх оных карниз и архитрав. Земли 30 на 30 саженой. Все строения обнесены каменною стеною из штучного камня высотой с фундаментом 4 аршина.

По смете строения оценили в 3.896 рублей 6 и две трети копейки. Остановились на 4.000 рублей. Из этой суммы Капелло должен был получить сразу 2.600 рублей, вырученные от продажи обветшавшего казенного дома елисаветградскому купцу Кондрату Сапожникову, а остальные – в первых числах января 1810 года. Свой дом Капелло должен был передать казне в последних числах июня. На заседании ОСК 7 июня 1809-го в присутствии герцога Ришелье кондиции утвердили, и сказанная недвижимость перешла в ведение Строительного комитета.¹⁰⁶ К сожалению, мне пока не удалось отыскать информации, когда именно это приобретение передали в собственность питейному откупу. Но можно уверенно говорить, что довольно продолжительное время дом использовался для той задачи, каковую преследовала покупка, тем более, то было сделано в годы войны, когда Одесса, по существу, была прифронтовым городом. Кроме того, первичный подвал вполне удовлетворял запросы откупа, да и на плане города 1814 года мы не видим существенных изменений, каковые должно было бы вызвать перефункциональное назначение этой территории. Полагаю, та инфраструктура была передана откупу не ранее конца 1810-х или даже в начале 1820-х.

Документально функционирование второго питейного подвала, причем уже на протяжении некоторого времени, фиксируется в декабре 1824 года. В журнале заседаний ОСК речь идет о переделке фронтона и брандмауэра «при подвале Одесской питейной конторы». Старый фронтон упал, и поскольку сосед, консул фон Том, нарастил стены смежного флигеля до 1½ аршин, то существует опасность, что выброс из возвышающихся там дымовых труб может послужить причиной пожара. По итогам обследо-

ния и оценки ситуации подполковником Кругом и архитектором Фраполли строительный подрядчик Вальб получил соответствующие указания.¹⁰⁷ Указание о разрушении старого фронтона как будто говорит о давности постройки. Однако у нас нет надежных гарантий, что это одна из построек, осуществленных еще Капелло. Фронтон вполне мог разрушиться в течение первых лет постройки, как неоднократно случалось в те годы.

Дома фон Тома

Как мы видели, слева с этим питейным подвалом соседствовал большой дом хорошего пушкинского знакомого австрийского консула фон Тома¹⁰⁸. То был обширный комплекс строений на углу нынешней Преображенской улицы и переулка Маяковского, поблизости от Городского сада, Соборной площади, резиденции градоначальника. Из генерального плана Одессы, составленного под началом военного инженера Е.Х. Ферстера в 1802-м и высочайше утвержденного в 1803-м, видно, что уже в ту пору на сказанном углу существовали значительные private постройки в виде прямоугольника, образующего внутренний двор, с воротами, выходящими на переулок, места № 702-703 LXIV квартала Греческого форштата.

На данный момент мы не располагаем документами о покупке этих строений и участка в 1804-м. Однако трудно предположить, что могло быть иначе: фон Том не перебрался бы в Одессу из Херсона с соответствующими полномочиями и семейством в некое арендованное помещение, ибо подходящие для этого апартаменты известны наперечет, и нам известно их функциональное назначение. Впрочем, давность означенной покупки отчетливо фиксируется в сюжете продажи «в казну» смежного с фон Томом дома городского врача Капелло, по Преображенской (1809-1810 гг.). Это видно хотя бы из того, что во владельческих бумагах самого Капелло указаны владельцы смежных мест не на момент продажи, а на момент строительства его дома. Среди них – Витторио Поджио, крупнейший строительный подрядчик, и, как мне представляется, владелец проданного фон Тому здания.

План, составленный городским архитектором Франческо Фраполли в 1807 году, дает более наглядное представление об этой недвижимости австрийского генерального консула. Упомянутый прямоугольник с внутренним двором формировался четырьмя отдельными разновеликими флигелями – двумя дворовыми и двумя фасадными, из которых самым значимым явно был угловой, масштабный. На рубеже 1820-1821 гг. он приобрел смежный участок и новый дом помещицы Попроцкой по переулку.¹⁰⁹ В конце мая 1821-го в Одесском строительном комитете утвержден план на перестройку принадлежавших ему первичных угловых строений – явно увеличение этажности.¹¹⁰ Это подтверждается документами 1824 года о строительных работах в соседнем (бывшем Капелло) казенном доме, переданном питейному откупу. Согласно ведомости о взыскании налога с недвижимости, считая с 30 апреля 1824 года, сказанная недвижимость австрийского генерального консула оценена присяжными окладчиками в весьма значительную по тем временам сумму – 60.000 рублей. При этом указано, что она недвижимость дохода не приносит.¹¹¹ То есть фон Том не использовал принадлежащий ему комплекс строений – ни целиком, ни по частям – в коммерческих целях. А это означает, что здесь находилась консульская резиденция и проживало все его семейство. Пушкин наверняка посещал дом австрийского консула, хотя прямых свидетельств мы не имеем. Во всяком случае, визит Поэта на его обширный хутор в Дальнике (50 десятин) подробно описан Ф.Ф. Вигелем. Интересующихся фон Томом отсылаю к предыдущим своим публикациям.

Чтобы закрыть тему обоих питейных подвалов, надо сказать несколько слов о дальнейшей судьбе территорий, на которых они располагались. Старый подвал функционировал до конца 1840-х, а затем места разделили меж приходом реформатской церкви, дворянами Александром Нарольским и Николаем Керстичем, каковые их застроили до Крымской кампании¹¹², сохранились планы¹¹³. Гуляет много недостоверной информации о сохранившемся по улице Преображенской, № 21, доме Нарольского. Его путают с находившимся на противоположной стороне улицы домом князя Павла Ивановича Гагарина – как раз территории второго питейного подвала, да еще приводят неверную дату постройки –

1834 год¹¹⁴. На самом деле князь застроил место, где ныне Научная библиотека ОНУ (здание, естественно, другое), в середине 1840-х, и не 3-этажным домом, а одноэтажным частным театром.¹¹⁵ Неверное понимание ситуации объясняется, во-первых, незнанием старой топографии, во-вторых, так и не реализованным проектом 3-этажной застройки 1834 года¹¹⁶. Князь Павел Гагарин – фигура прелюбопытная; его одесскую эпопею я описал в «Энциклопедии забытых одесситов».¹¹⁷

Дома де Рибаса и гауптвахта

Повернув с Херсонской на Преображенскую и двигаясь направо, путник видел по левую руку бывшую недвижимость Феликса де Рибаса, а по правую – гарнизонную гауптвахту, располагавшуюся за старым подвалом питейного откупа, практически на Соборной площади.

С гауптвахтой особых исследовательских проблем не возникает, сохранилась и кое-какая иконография. В фонде Одесского строительного комитета имеется архивное дело 1817-1823 гг. о ее построении.¹¹⁸ Множество деталей, связанных с постройкой и эксплуатацией, можно найти и в журналах заседаний Комитета.¹¹⁹ Заметим вскользь, что речь идет о главной гауптвахте, поскольку были и другие.¹²⁰ В совокупности материалы позволяют составить довольно рельефное представление о данном объекте. Сохранилась иконография и подробные планы – как первого, так и второго этажей.¹²¹ Разумеется, это нестандартное сооружение, находившееся на одной из важнейших транспортных развязок, обрамленное примечательными объектами, многократно попадало в поле зрения Пушкина. Знакомство с офицерами вполне могло приводить его и непосредственно к портику гауптвахты или к входу во внутренний дворик со стороны Преображенской, в том числе по случаю их ареста и содержания.

Исторические реалии, связанные с недвижимостью Феликса де Рибаса в квартале LXIV (меж главной аллеей Городского сада – изначально продолжением Ланжероновской улицы, Преображенской, Дерibasовской и Гаванной), как будто лежат на поверхности:

Здание гауптвахты

о них бесконечно пишут, основное домостроение в наличии, да и сад, подаренный им городу (1806), можно условно считать сохранившимся. На самом же деле сложившаяся в 1806 году ситуация нехорошо вписывается в сформировавшиеся за многие десятилетия историко-краеведческие стереотипы, не все было так просто: дом продал, сад благородно презентовал.

Надо понимать, что в 1795-1796 гг. Феликс имел большие возможности – как застройщик и подрядчик, его охотно кредитовали предприниматели, входили с ним в разного рода коммерческие проекты. Но когда его влиятельный старший брат Иосиф вынужденно оставил Одессу, младшего де Рибаса буквально накрыла волна судебных тяжб, разбирательств. Материальные претензии к нему предъявляют архитектор Фраполли, подрядчик Поджио, подпоручик Шрейбер, мать его покойной супруги бригадирша Качковская. На грани банкротства Феликсу де Рибасу не оставалось ничего другого, как продать более ценную городскую недвижимость. Она заключалась в двух домах со служебными по-

стройками и саде меж ними в LXIV квартале, причем один из этих домов, на углу Гаванной и Дерibasовской, требовал достройки (каковую Феликс сам же и осуществил, согласно контракту, уже после продажи «в казну»), а также доме по Преображенской улице (ныне – пятно застройки дома № 40, середина квартала меж ул. Греческой и Бунина), который де Рибас продал частному лицу.

Сделка была и выгодна, и спасительна для Феликса. Что касается сада, он все равно не сумел бы его сохранить, лишившись примыкающих домов. Почему? Потому что под садоводческие заведения места в городе не отводились и не предусматривались: другое дело – дворовые садики. Участки под садоводство отводились из городского выгона, за чертой оборонительных казарм. Для влиятельных лиц (Ферстер, Кобле) делались, понятно, исключения, однако и эти значительные сады все же состояли при их домах, да и впоследствии тоже были в основном застроены. Понимая все это, Феликс сделал красивый жест: подарил городу сад, который все равно не смог бы удержать, и таким образом получил моральный бонус в этой благоприятной для него сделке. Позднее он оправился и, начиная с 1815-го, вновь стал строиться, соорудив во второй половине 1810-х два небольших дома в окрестностях прежних: в Малом переулке и на Гаванной улице (о них – см. ниже). Все архивные ссылки, иллюстрации архивных документов можете глянуть в монографии по истории градостроительства,¹²² а о судьбе Феликса – в других моих книгах¹²³.

Двухэтажный дом по Дерibasовской близ Преображенской в классическом стиле Феликс строил совместно с архитектором Франческо Фраполли, что привело к упоминавшемуся разбирательству меж ними. На генплане 1802-1803 гг. виден прямоугольный служебный флигель, примыкающий к ликвидированной позднее улице (нынешняя главная аллея Городского сада). На планах 1807 и 1814 гг. обозначен и другой флигель, по Преображенской, протянувшийся от главного здания в направлении первого флигеля. Та же застройка фиксируется на плане 1828 года, добавилась лишь маленькая сторожка, в саду – за главным корпусом, ближе к первому служебному флигелю. Таким образом, мы наглядно представляем ситуацию в пушкинское время. Сохранился подробный план построек и двора бывшего дома

де Рибаса, составленный несколько позднее архитектором Гаэтано Даллаквa. Тут фиксируются некоторые достройки при главном корпусе со стороны Городского сада, но в целом картинка дает отличное представление о масштабах и пропорциях интересующих нас сооружений.¹²⁴ В длинном одноэтажном флигеле по Преображенской проживали некоторые чиновники канцелярии генерал-губернатора, поэтому Пушкин вполне не только мог посещать ведомство А.И. Казначеева, но и сюда заходить.

Дом этот издавна использовался для жительства «генералитетов». Если бы его приобрели раньше, тут наверняка обосновался бы герцог Ришелье, но ко времени покупки он уже обустроил свою резиденцию в другом казенном доме, также приобретенном от частного лица «в казну». В интересующую нас эпоху в нем последовательно жили: градоначальник Н.И. Трегубов (1820-1822), граф А.И. Рибопьер (1822-1823), граф М.С. Воронцов (лето-осень 1823), полковник А.И. Казначеев (с осени 1823-го). Фигуры известные. Перемена обитателей, как правило, сопровождалась большими или меньшими ремонтами, переделками, перепланировками, что фиксируется архивными документами. Так, 8 июля 1820-го архитектор Джованни (Иван) Фраполли представил Строительному комитету смету по ремонту. Он указывает: при доме надо сделать ледник, «три комнаты в верхнем этаже дома» предполагает «расписать живописью», но целевые расходы на этот счет в смете не назначены, «ибо живописная работа не имеет постоянных цен, а зависит от условия с мастером». Комитет определил «приискать живописца» и заключить с ним особый контракт.¹²⁵

Затем прораб Строительного комитета Лука (Лучиано) Бертини отремонтировал здание перед заселением туда Рибопьера, о чем отчитался в феврале 1823-го.¹²⁶ К слову, сказанный Бертини сам жил в этом доме и надзирал за ним после ухода Трегубова. Поэтому перед поселением канцелярии Воронцова он просил принять по описи имеющуюся в доме мебель: большие зеркала, стол красного дерева, канапе, стулья, кресла красного дерева, обитые желтым трико, жестяные фонари со стеклами и др.¹²⁷ О Трегубове и Бертини я сделал отдельные очерки.¹²⁸

3 октября 1823 года Фраполли представил Комитету смету на необходимые починки в верхнем этаже дома, занимаемого

гвардии полковником и кавалером Казначеевым.¹²⁹ Из более поздних записей в журнале заседаний Строительного комитета, от 4 октября 1824-го, мы узнаем о работах и «о вещах, сделанных им (сотрудником Комитета титулярным советником М.С. Кривчиковым. – О. Г.) в казенный дом, что близ Городового сада, по случаю приезда и квартирования в нем господина новороссийского генерал-губернатора и кавалера графа Воронцова». Упоминается: столов для кухни – четыре, по 30 рублей, шесть полок и рама для кухни стекольная, 32 фунта железа для исправления очага, сукно для оклейки круглого стола, принадлежащего Городской думе, и проч. Здесь же указано, что вещи приняты Комитетом на основании контракта с Фундуклеем от 3 декабря 1823-го.¹³⁰ Что это означает? То, что вещи эти после передислокации Воронцова отсюда в дом Фундуклея отправились вместе с ним, после чего бывший дом де Рибаса частично переоборудовался уже под Казначеева.

Не могу не упомянуть здесь добрым словом моего старшего товарища краеведа В.А. Чарнецкого, первым прикоснувшегося к архивным материалам о доме Фундуклея и первым внятно сообщившим об использовании бывшего дома де Рибаса в пушкинское время.¹³¹

Дом Крамарева

Напротив бывшего дома де Рибаса, на месте нынешнего «Пассажа» тогда находился большой двухэтажный дом авторитетного муниципального деятеля, одесского купца 1-й гильдии Михаила Антоновича Крамарева, одно из лучших зданий в городе. О Крамареве я опубликовал довольно подробный биографический очерк; в том же издании – информация о его родственном окружении и др.¹³² История и предыстория этого дома Крамарева представляет значительный интерес, поскольку не только связана со многими пушкинскими знакомыми, но и с посещениями предшествующих сооружений непосредственно Пушкиным. Сюжет на этот счет, опубликованный в 2006-м,¹³³ я уже несколько раз исправлял, уточнял и детализировал, по мере поступления новой информации. На сегодняшний день ситуация основательно прояснилась.

Преображенская площадь. Слева – дом Крамарева

При первичном планировании сетки кварталов и отвода мест в августе-сентябре 1794-го – это VI квартал Греческого форшта-та, включавший десять мест, № 49-58. Их получили под застройку: № 49-50 – капитан-лейтенант Дзивович, № 51-52 – капитан Крюков, № 53 – мичман Тунда, № 54-55 в реестре пропущены по недосмотру, № 56 – «прапорщик Клаудерист» (Клаудий Ристори), № 57-58 – капитан Беляк.¹³⁴ Насколько можно судить, никто из этих небогатых офицеров застроиться не сумел, и не позднее 1796-го места начали переходить в другие руки. Нас в данный момент в первую очередь интересуют: угловое место по Дерибасовской и Преображенской, № 58, и примыкающие к нему по этим улицам соответственно № 57 и 54.

Из архивных документов четко видно, что первым успешным застройщиком здесь был чиновник Одесской таможни Константин Иванович Андрияш (Андреяш, Андриаш), дослужившийся до коллежского асессора, попечитель сооружения соборной церкви во имя Святого Николая. Он также владел весьма приличным домом на противоположной стороне Соборной площади, на углу Садовой улицы, который арендовался городом для размещения Благородного пансиона и Девичьего училища.¹³⁵ Андрияш продал дом, занимавший места № 57-58, небезызвестному коммерции советнику, казначею Одесского строительного комитета Жану Рено¹³⁶, однако дата сделки неизвестна. Зато мы знаем,

что ранее 29 сентября 1810 года этот дом Рено состоял в залогах по подрядам¹³⁷, что указывает на некоторую давность владения и солидную оценочную стоимость. Мы знаем также, что Андрияш сдавал находящийся неподалеку другой свой дом в аренду с 1806 года. Можно предположить: первый дом продан Рено с целью покупки этого доходного дома. Сопоставление планов 1802-1803 и 1807 годов свидетельствует о достройке сооружений на местах № 57-58, в частности появлении углового флигеля. Очевидно, это указывает на преобразования, осуществленные Рено после покупки дома у Андрияша. Таким образом, я бы отнес оформление купчей крепости примерно к 1805-1806 гг.

16 марта 1812 года Жан (Иван) Рено продал этот дом статскому советнику Федору Петровичу Беину (другой каменный дом, на смежном участке № 54, ему продала 16 июня 1811 года вдова придворного метрдотеля Ивана Бертена Мария) – эта фамилия в различных источниках бесконечно искажается: Бень, Бейн, Бейм, Бем. Однако идентификация не вызывает у исследователей ни малейших сомнений. Федор (Теодор) Бейн (Бем) потомок польского рода, служил урядником в Дубоссарах, был помощником главного попечителя задунайских переселенцев Валахии, Молдавии и Бессарабии, владел солидным недвижимым и движимым имуществом. Он вступил в брак с Екатериной Катаржи, дочерью Ильи Филипповича Катаржи, представителя влиятельного молдавского боярского рода, главнокомандующего войск Молдавии, активного и успешного участника турецкой кампании 1806-1812 гг. на стороне России, состоявшего в тесном родстве с семействами Стурдза, Гика (женат на дочери молдавского господаря Григория III Гики) и т. д. Федор и Екатерина Бейн жили в основном в Молдавии, умерли соответственно в 1814 и 1821 гг. Их имущество перешло к дочерям, Марии и Елене. Первая вышла замуж за подполковника Камчатского полка Петра Степановича Лишина, вторая – за полковника, командира Охотского пехотного полка георгиевского кавалера Василия Тимофеевича Соловкина.

Тут мы переходим непосредственно к пушкинской теме, поскольку хорошо известно (свидетельство И.П. Липранди), насколько Поэт был увлечен Еленой Соловкиной (Бем). Общение Пушкина с Соловкиными и Лишиными относится к кишиневскому

Дом Крамарева

периоду: первые обитали непосредственно в городе, вторые наезжали туда из Орхей¹³⁸. Он был знаком и с дядей сестер Бейн (Бем), лейб-драгунским капитаном Павлом Ильичом Катаржи.

После смерти отца проживавшие в Молдавии Мария и Елена решили продать его одесскую недвижимость. 3 марта 1822 года в «Крепостной книге Одесского коммерческого суда для записки крепостей, закладных, дарственных и отдельных, духовных завещаний» зафиксировано следующее: «По доверенности от законных супругов – дочерей и наследниц умершего статского советника Федора Петрова сына Беина, Елены и Марии: Охотского пехотного полка полковник Василий Тимофеев сын Соловкин и 31-го Егерского полка подполковник Петр Степанов сын Лишин за освидетельствованием в Бессарабском областном гражданском суде, прошлого 5 мая 1821 года под № 78 и 79, продали одесскому 1-й гильдии купцу Михаилу Антонову сыну Крамареву и наследникам его (...) два каменные дома, состоящие в Одессе на Военном форштате 1 части в VI квартале под № 54, 57 и 58-м и всем принадлежащим к ним постройкою (то есть хозяйственными помещениями. – **О. Г.**) и садом; под коими земли с местами

мерю: по площади (Соборной. – О. Г.), к дому купца Хаджи Мими – тридцать семь с половиною, а по Рыбасовой (Дерибасовской. – О. Г.) улице – тридцать саженой и два аршина». Получили от этой сделки 23.000 рублей государственными ассигнациями. Здесь же сообщается о том, что № 57-58 приобретены у Рено, а № 54 – у вдовы Бертен, а купчие крепости совершены в Херсонской палате гражданского суда 16 марта 1812-го и 16 июня 1811 гг.¹³⁹

Для полноты картины приведу еще и выписку из журналов заседаний Строительного комитета: «1822-го года марта 1 дня Одесский комитет слушали: рапорт архитектора Фраполли, которым доносит, что по повелению Комитета освидетельствовал он места, принадлежащие г. статскому советнику Бейну, и нашел, что оные состоят в 1-й части на военном форштате в XVI квартале под № 54-м, 57-м и 58-м и имеют меры по площади к дому купца Хаджи Мими 34½ саженой, по рыбасовой улице 30 саженой и 2 аршина. По справке оказалось: освидетельствование сие последовало по данному от г. титулярного советника Захария Леонтовича в Комитет прошению, которым он просил о выдаче свидетельства, в каком квартале и под какими номерами состоят места верителя его г. статского советника Бейна, и сколько оные имеют меры...».¹⁴⁰ Доверенное лицо Бейна – титулярный советник Захарий Прокофьевич Леонтович, одесский старожил, домовладелец (Гаванная угол Малого переулкa), служил в Карантинной конторе, судьба его достойна сериала, но этот сюжет слишком далеко нас заведет.

Насколько можно судить, Ф.П. Бейн никакими серьезными стройками после Рено не занимался, и эти дома использовались как доходные. М.А. Крамарев не тотчас же приступил к реконструкции, приведшей к застройке почти всей красной линии трех мест по Преображенской и Дерибасовской. Первичные строения при этом, думаю, использовались, ибо явно были значимыми и хорошо сработанными. Сроки строительства можно уточнить, если учесть, что после покупки Крамаревым двух домов они некоторое время сдавались в аренду под различные заведения. Скажем, в 1822-м и первой половине 1823 года знаменитый Цезарь Отон содержал здесь кухмистерский стол и выражал желание завести гостиницу.¹⁴¹ Вскоре, однако, он перебазировался в так называемый Клубный дом упоминавшегося Ж. Рено в начале Ришельевской, где открыл

ресторацию при существовавшей там гостинице, и, судя по всему, именно по причине начавшейся перестройки зданий. Очень может быть, что Пушкин бывал у Отона в доме Крамарева еще до окончательного переезда в Одессу летом 1823-го, в ходе предыдущих вояжей из Кишинева. Очевидно, это «предприятие общепита» находилось в небольшом угловом доме, на самом бойком месте.

Строительство началось лишь после 7 июня 1823 года, ибо именно в этот день Одесский строительный комитет выдал Крамареву утвержденный план и фасад предполагаемого им к постройке дома на местах № 54, 57 и 58.¹⁴² То есть далее, вплоть до своего отъезда из Одессы, Пушкин наблюдал сооружение одного из самых больших частных зданий в городе. 20 февраля 1825 года Строительный комитет получает прошение М.А. Крамарева о выдаче ему открытого листа, то есть владельческих документов на выстроенные на указанных участках домостроения. «Я построил дом, – пишет он, – и при нем службы по плану, Комитетом утвержденному». Через два дня, после положенной процедуры освидетельствования, архитектор Ф.К. Боффо докладывает, что строения соответствуют заведомо утвержденному Комитетом плану, и 26 февраля Крамарев получает открытый лист.¹⁴³

Мемориальный знак Льву Сергеевичу Пушкину

Основная наша задача – градостроительный, ландшафтный, топографический, историко-бытовой срез Одессы первой половины 1820-х плюс формирование оных, однако невозможно обойти вниманием и некоторые выходящие за эти хронологические рамки объекты. Дело в том, что позднее в описанном выше доме Крамарева жил с семейством и умер Л.С. Пушкин.

В 1823 году, находясь в Одессе, А.С. Пушкин посвятил младшему брату блистательную поэтическую миниатюру:

Брат милый, отроком расстался ты со мной –
В разлуке протекли медлительные годы;
Теперь ты юноша – и полною душой
Цветешь для радостей, для света, для свободы...

«Милый брат, – писал Александр Сергеевич еще из Кишинева, – я виноват перед твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длинным письмом и подробными рассказами». Далее – подробное описание вояжа по Кавказу и Тавриде, а позднее – пространное письмо о переезде в Одессу. В годы южной ссылки младший брат был первым помощником и конфидентом поэта: нередко улаживал его литературно-издательские дела в столице, выполнял различные поручения, в том числе пересылку книг и периодики, с ним Пушкин обсуждал текущие дела, свои и чужие тексты, переводы, наставлял брата, делясь жизненным опытом, и т. д. С ним он бывал предельно откровенен, если знал наверняка, что письмо не перлюстрируется. Именно брату Пушкин, например, доверительно рассказывал о намерении подать прошение об отставке, о контактах с М.С. Воронцовым и проч.

Обладавший исключительной памятью, Лев Пушкин знал наизусть буквально все произведения брата, в том числе наброски, варианты, версии, реплики. Он сообщил много бесценной информации П.В. Анненкову, М.Н. Лонгинову, Б.М. Маркевичу, Я.П. Полонскому, и эти воспоминания опубликованы. П.А. Вяземский когда-то написал, что со смертью Л.С. Пушкина «погребены многие стихотворения брата его, не изданные, даже и не записанные...»

Сейчас время такое – русскую литературу преподают в школе как раздел зарубежной, и мне могут возразить: все это лирика, чего ради увековечили память Льва Пушкина в Одессе? Только из почтения к его старшему брату? Так нам эти «старшие братья» – комом в горле. Коль скоро для рассуждающих подобным образом персонажей аргументов недостаточно, приведу другие, быть может, более весомые в данном контексте. Все дело в том, что Лев Сергеевич Пушкин все последние годы жизни, без малого десятилетие, верой и правдой служил Одессе непосредственно – как гражданин, как чиновник, как культуртрегер, и снискал колоссальное уважение в городе. Но – обо всем по порядку.

Я мог бы, конечно, сослаться на опубликованные материалы, однако предпочел для большей убедительности обратиться к историческим первоисточникам, прежде всего, к документам из Государственного архива Одесской области. В фонде Одесской портовой таможни хранится несколько

дел, содержащих полные сведения о государственной службе Л.С. Пушкина. Из его «формулярных списков» разных лет узнаем: 26 октября 1843 года он определен чиновником Санкт-Петербургской таможни «для познания дел с прикомандированием к Одесской портовой (таможне. – О. Г.) для исправления должности сверх штата». 11 ноября того же года «переименован в коллежские ассессоры», а 9 мая 1848 года произведен в надворные советники.

До самой своей кончины, последовавшей 19 июля 1852 года, Лев Сергеевич служил в Одесской портовой таможне, некоторое время, впрочем, прослужив и в сухопутной (1844-1845 гг.). Здесь уместно упомянуть о том, что до 1842 года он в основном пребывал в войсках, участвовал в ряде военных кампаний, дослужился до майора, неоднократно поощрялся и награждался за отвагу – кавалер орденов Станислава 3-й степени, Владимира 4-й степени с бантом, Анны 3-й степени с бантом и 4-й степени за храбрость, получил серебряные медали за персидскую и турецкую войны, польский знак отличия за военные достоинства. За годы служения в Одесской таможне многократно награждался и поощрялся, в том числе «денежными награждениями» и чинами.

Служба в таможне в годы порто-франко считалась одной из самых значимых, ответственных, престижных. И не зря чиновники, сотрудники этой институции, обязаны были обладать незапятнанной репутацией, не зря они знатно поощрялись за безупречную самоотверженную службу. Расхожее мнение, будто порто-франко не знало таможенных пошлин, – блеф. Пошлины взимались, однако были значительно ниже, чем в портах с традиционным таможенным режимом, – $1/5-2/5$. И этот «урезанный» таможенный сбор давал 75-80%, а то и больше всех доходов города! Другими словами, сотрудники таможни непосредственно способствовали наполнению городского бюджета. И именно за это неоднократно награждался Л.С. Пушкин! Разве не заслуга перед Одессой, по существу, жившей и строившейся за счет таможенных сборов?

Однако пойдем дальше. Не только на государственной службе проявил себя «брат милый». Достойный всякого доверия современник пишет о том, что «Лев Сергеевич Пушкин пользовался

в свое время большим влиянием на общественное мнение Одессы, как в деле искусства, так и в вопросах справедливости», что подобные ему люди «даже впоследствии, несмотря на перемену обстоятельств, до конца своей жизни сохранили свободу слова и мнений, и свой авторитет». Л.С. Пушкин и его супруга, люди, прямо скажем, не слишком хорошо обеспеченные, тем не менее, участвовали в движении благотворительности и милосердия. В «Одесском вестнике» 1840-х годов есть публикации о пожертвованиях этой четы в пользу неимущих. Ко Льву Сергеевичу часто обращались в приватном порядке как к третейскому судье, когда речь шла о различных спорах и «вопросах чести».

Редактор «Одесского вестника» Н.Г. Тройницкий сообщает: «Брат поэта, Лев Сергеевич Пушкин, был замечательно остроумный человек и феноменальной памяти. Он знал на память и превосходно читал все ходившие тогда в рукописи русские стихи. Он и познакомил автора (то есть Тройницкого. – О. Г.) с Гоголем». Тройницкий рассказывает, как Л.С. Пушкин повел его в карантин, в котором проходил положенную обсервацию Н.В. Гоголь, и здесь они общались на дистанции, разделенные несколькими проволочными решетками. Лев Сергеевич был самым близким Гоголю человеком в Одессе. «Гоголь не раз заходил к автору стихотворения (Тройницкому. – О. Г.) и Льву Сергеевичу, в дом Крамарева, на Дерибасовской, где они оба квартировали».

Дом купца М.А. Крамарева – предшественник нынешнего «Пассажа», он занимал, как было сказано, то же «пятно» на углу Дерибасовской и Преображенской улиц. Это был огромный доходный дом, одно из самых обширных и величественных зданий старой Одессы – здесь бывал даже император Николай I, не говоря уже о новороссийских генерал-губернаторах. В самом конце позапрошлого столетия дом Крамарева (тогда он уже числился за Синицыными) сменил крупный торговый центр с гостиницей. Это и есть памятное место, связанное с пребыванием Льва Сергеевича Пушкина в Одессе. Здесь он прожил около девяти лет со своей супругой (с 1843 г.) Елизаветой Александровной Загряжской (1823-1898 гг.), здесь родились их дети – Ольга (21 сентября 1844 г.), Анатолий (17 марта 1846 г.), Мария (27 мая 1849 г.) и умершая в младенчестве София.

Летом 1852 года Лев Сергеевич Пушкин был погребен на Старом городском кладбище – главный вход со стороны улицы Преображенской. В одном из одесских справочников 1920-х годов еще упоминается его могила. Во второй половине 1930-х этот старейший одесский некрополь варварски разрушили.

Разумеется, было бы уместно установить памятную доску на стене Старого кладбища. Однако в последние годы постоянно дебатруется вопрос о создании мемориала всем похороненным здесь одесситам. Предполагается установить стелы с именами лиц, захоронение которых здесь документально подтверждено. Впрочем, затянувшиеся разговоры никак не приводят к конструктивному итогу. Поэтому общественная организация – международный поэтический фестиваль «Пушкинская осень в Одессе», регулярно собирающий в нашем городе десятки литераторов из дальнего и ближнего зарубежья (штаб-квартира фестиваля находится в Лондоне, где также ежегодно проводятся пушкинские поэтические форумы) инициировал и финансировал установку памятного знака Л.С. Пушкину на фасаде «Пассажа» со стороны Дерибасовской. Торжественное открытие состоялось 15 сентября 2011 года. О других мемориальных объектах, открытых по инициативе и на средства этой организации, речь пойдет ниже.

В перспективе организаторы фестиваля намерены поэтапно установить добровольными пожертвованиями участников памятные знаки на всех сохранившихся зданиях и сооружениях, связанных с пребыванием А.С. Пушкина в Одессе, – домах Феликса де Рибаса, Фундуклея, Кирьякова, Бларамберга, Давыдовых, Ферстера, Строительного комитета и др. Убежден, формирование такого «пушкинского маршрута» прибавит Одессе и славы, имиджа, и, если хотите, практической выгоды (туризм).

Дом Мими

Нельзя обойти вниманием и смежный с крамаревским дом Мими по Соборной площади, то есть по Преображенской улице, который упоминается в документах о купчей крепости. Семейство Мими греческого происхождения, хорошо мне известно

по целому ряду архивных документов, включая метрические записи церкви Святой Троицы. О давности пребывания Алексея Мими говорит тот факт, что в 1819 году его привлекали как свидетеля по делу о построении частного дома Одесской портовой таможни надзирателем титулярным советником Василием Кошевым: «Истекает уже тому 22-й год», как тот владеет местом и построенными там недешево сооружениями.¹⁴⁴

Дело о причислении дубоссарского купца Алексея Мими отменяется 11 июля 1808 года, однако на этот момент он уже какое-то время обитает в Одессе, и недавно обзавелся солидным «домостроительством». Ему 36 лет, он холост, состоял купцом 3-й гильдии в Дубоссарах с 1798 года. В одесское купечество принят с объявленным капиталом 50.050 рублей с начала 1811 года, по высочайшему указу с подачи герцога Ришелье.¹⁴⁵ Женится несколько ранее этой даты, фиксируется рождение сыновей Алексея и Марфы Мими – Дмитрия, 8 апреля 1811-го, и Николая, и 23 августа 1817-го. Также имеется запись о кончине 24 мая 1822 года трехлетней девочки Ефимии Хаджиевны Мими, дочери турецко-подданного, и другие¹⁴⁶

Закономерно возникает вопрос: почему в 1822-м домовладельцем называют Хаджи, а не Алексея Мими? Здесь возможно лишь два варианта. Коль скоро мы точно, по документам знаем, что Алексей владел местом № 51, вторым от угла Преображенской по Греческой, то можно предположить, что угловое место № 52 в ту пору принадлежало Хаджи. Второй вариант: возможно, надо говорить об управлении домом близкого родственника по случаю болезни и кончины хозяина: по крайней мере, духовное завещание датируется 13 июня 1824 года.¹⁴⁷ 5 августа того же года магистрат делает запрос в Строительный комитет: нет ли каких препятствий на выдачу свидетельства опекунам над именем покойного одесского купца Алексея Мими – одесскому купцу Ивану Амвросию и нежинскому греку Александру Кумбари, которыми представлена купчая крепость Мими на дом и место № 51. По свидетельству архитектора Боффо, «онный дом хотя построен по плану, но тем после испорчен, что в строении в конце сделаны ворота, коих переделать невозможно потому, что ворота под одною крышею с домом,

и другого места для ворот нет, а потому без разломки строения сделать ворота нельзя». Тем не менее, Комитет выдает магистрату просимые документы.¹⁴⁸

Когда Алексей Мими приобрел этот дом? Из дела от 11 июля 1808-го о причислении в купечество как будто бы следует, что он уже владел этой недвижимостью. Но на самом деле указание на недавнее обзаведение «домостроительством» говорит о получении 5 сентября 1807 года места под мельницу.¹⁴⁹ Что касается интересующего нас дома и места № 51, то купчая крепость заключена 22 октября 1810-го в Херсонской казенной палате гражданского суда. Что касается предшественника, то, согласно журналу инженерной команды, упомянутое место отмечено отданным под застройку до 1800 г. столярному мастеру Лигде.¹⁵⁰ 24 июня 1806 года купец Николай Лигда взял на два года в Строительном комитете ссуду 1.500 рублей для домостроительства.¹⁵¹ В это время он, очевидно, строил лавку с жилыми покоем и двором в Бакалейных рядах на Александровской (Греческой) площади¹⁵², а дом на месте № 51 уже существовал, что видно из синхронного плана Ф. Фраполли. Фигурирует Николай Лигда и в переписке о причислении одесских мещан в купечество¹⁵³, и в метрических записях греческой церкви Святой Троицы¹⁵⁴.

Впрочем, ранняя история застройки мест № 51-52 этими фигурантами не исчерпывается. Первым, в августе-сентябре 1794-го, оба места, как было сказано выше, отвели армейскому капитану Крюкову. Все указывает на то, что он застроился: и обозначенный на генплане 1802-1803 гг. на углу Преображенской и Греческой (место № 52) дом, и участие Федора Михайловича Крюкова (уже майора) в занимательной истории, связанной с находившейся напротив недвижимостью его товарища, лишенного чинов и отправленного в Тобольскую губернию секунд-майора Михаила Ивановича Иванова; любопытствующие могут обратиться к моей публикации 2012 года¹⁵⁵.

В целом эволюция плановой застройки мест № 51 и 52 выглядит следующим образом. Не позднее 1798-го, а скорее раньше, Крюков освоил угловой № 52. Соседнее место оставалось пустопорожним, и не позже 1800-го его предали Лигде. Он тоже построился не сразу, а лишь меж 1803-м и 1807-м годами, что видно

из сопоставления городских планов. Поздней осенью 1810-го дом Лигды купил Алексей Мими. О времени перехода дома Крюкова к Алексею или Хаджи Мими информации пока нет. В любом случае это были близкие родственники, и оба места со строениями в итоге унаследовали Марфа Мими и ее сын, которые лишь в мае 1848-го приступили к значимым застройкам к первичному дому со стороны Преображенской, ситуационные планы и чертежи фасадов сохранились.¹⁵⁶ Таким образом, Пушкин видел тут небольшие архаичные, но крепкие плановые дома, иллюстрирующие один из первых этапов становления Одессы.

Дом Дель Сассо

Но мы несколько отклонились от генерального маршрута. Если на дворе 1823 год, и мы следуем по Дерibasовской от угловых зданий Крамарева и де Рибаса, то по правую руку – дом Дель Сассо, а по левую – Казенный (Городской) сад. О домовладельце с экзотической итальянской фамилией я сделал довольно подробный очерк.¹⁵⁷ Дель Сассо (Del Sasso) Сильвестр (Silistrio), подпоручик, один из первых одесситов, представитель старинной итальянской фамилии – этимология от итальянского *sasso*, то есть *камень*, однако метафорически указывает на Святого Петра: целый ряд итальянских храмов, религиозных коммун, святынь именовались Del Sasso. Принадлежал к немногочисленной, но влиятельной итальянской колонии нарождающейся Одессы, в которую входили братья де Рибас, плац-майор Августин де Пачиоли, неаполитанский вице-консул Гаэтано Гульельмуци, архитектор Франческо Фраполли, подрядчик Витторио Поджио, негоциант Пьетро Сканцио и др. Как весьма авторитетный человек Дель Сассо был избран в состав первого Одесского городского магистрата в 1796 году. Он, между прочим, поставил свою подпись под письмом к императору Павлу I от 8 февраля 1800 года, приложенном к знаменитому подношению – 3.000 отборных померанцев. Община доверила Сильвестру Дель Сассо надзор за сооружением новой Католической церкви по Екатерининской улице, и к этому сюжету мы еще вернемся.

А пока напоминаю о местах № 54-55, которые в реестре 1794-го пропущены по недосмотру канцеляриста. В 1819 году наследники уже покойного подпоручика, вдова Мария Антоновна и сын Джованни Дель Сассо, ходатайствовали перед Строительным комитетом о выдаче им копии утраченных в период чумной эпидемии 1812-го владельческих документов на дом, занимавший два стандартных места по улице Гимназской (первое название Дерibasовской). Сказанный дом со службами находился по адресу Дерibasовская, № 31 – в современном, естественно, прочтении, – и занимал половину квартала по этой улице, от Колодезного переулка. Сын к тому времени еще не достиг совершеннолетия, вдова толком не владела русским, а потому семейный архив разбирали опекуны – авторитетнейшие негоцианты, коммерции советники Антон Фореггер (вероятно, отец Марии) и Людвиг Пеццер.¹⁵⁸

В ходе разбирательства выяснилось, что сам Дель Сассо получил при первичной раздаче (1794) угловое место, а соседнее, к середине квартала, ему уступил 13 января 1796 года прапорщик Клаудий Ристори. Еще один благородный итальянец в ранней истории Одессы: представители этого славного рода достойно служили России, например, генерал-лейтенант П.О. Ристори, георгиевский кавалер; разумеется, более известна выступавшая и в Одессе вокалистка Аделаида Ристори. В упомянутой ведомости от 15 сентября 1794 года о раздаче мест имя и фамилию Клаудия анекдотически записали в одно слово: «прапорщик Клаудерист», а Дель Сассо и вовсе пропустили. На российский лад его называли Дельсасо, Делсасо и Дельсасов.

Дата кончины Сильвестра Дель Сассо пока неизвестна, а вот завещание оформлено им 31 декабря 1814 года в присутствии свидетелей. Жене и детям он оставил дом, хутор на Сухом лимане и наличные деньги. В ноябре 1819-го архитектор Джованни Фраполли и известный в истории градостроительства подрядчик Чезаре Монако свидетельствовали о том, «что меньшей сын Николай волею Божию умре».¹⁵⁹ Таким образом, наследниками остались Мария Антоновна и старшой, Иван Сильвестрович. Однако распределение доходов от недвижимости и процентов с капитала покойный оговорил в пользу обоих

сыновей. А потому в случае второго замужества его вдовы – а Мария состояла во втором браке ранее 1 марта 1817-го с неким Сонторе, Сантара или Санторе¹⁶⁰ – она формально могла получать не половину, а лишь треть из этих доходов, несмотря на смерть младшего сына.

Сличая ранние планы Одессы, видим: Дель Сассо ранее 1802 года застроил место, уступленное ему Ристори, а ранее 1807-го – и свое собственное, угловое. На обоих участках находился довольно большой, но, судя по всему, одноэтажный дом со службами. Вход во двор обозначен со стороны Дерибасовской улицы. Оказавшийся в самом эпицентре общественной жизни города, дом привлекал внимание многих заинтересованных арендаторов, здесь размещались разнообразные заведения и офисы. Так, в середине 1820-х находился элитарный магазин французского булочника Луи Николаса. В конце 1810-х – первой половине 1824 годов «дом вдовы дворянки Дельсас» оценивался в 20.000 рублей, принося 1.000 рублей годового дохода.¹⁶¹

В октябре 1827 года оная недвижимость поступила в публичную продажу по решению Одесского коммерческого суда и была оценена в 25.500 рублей государственными ассигнациям, принося ежегодно прибыль в 2.670 рублей.¹⁶² Причины продажи мне пока неизвестны. Знаю только, что торги надолго затянулись. Наконец, в июне 1830-го дом приобрел сосед М.А. Крамарев. Как было сказано, в 1822-м он купил смежные места и постройки со стороны Преображенской, на месте будущего «Пассажа», и к началу 1825 года капитально их перестроил.¹⁶³

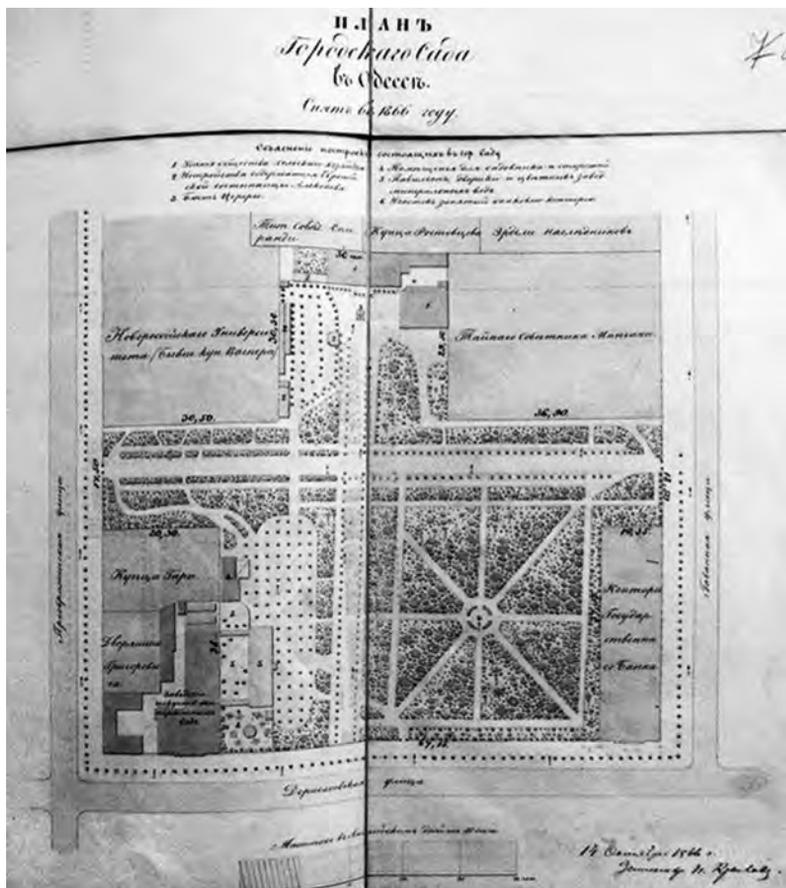
На общий с супругой Анисией Андреевной, урожденной Железцовой (дочери первого городского головы), капитал Крамарев возвел (1835-1837) по сию пору сохранившееся монументальное здание по Дерибасовской, № 31. Использовалось ли, надстраивалось ли первичное строение дома Дель Сассо, без тщательного инженерно-строительного с привлечением историков обследования сказать наверняка нельзя. Как показывает практика, это не исключено. Проект, по всему видно, составил архитектор Г.И. Торичелли, который и освидетельствовал готовую постройку 19 октября 1837 года.¹⁶⁴ Отмечу: план фасада утверждал непосредственно одесский

градоначальник, а не Строительный комитет. Почему? Потому что постройка намечалась, как принято говорить, эксклюзивная, отличная от типовых высочайше утвержденных проектов. Дворовые строения дома с нынешним № 31 были двухэтажными, и сохранились по сию пору. Оба въезда с Дерибасовской – как в доме № 31, так и в доме № 33 – в ходе этой перестройки ликвидировали.

Мимоходом отметим, что смежное от Дель Сассо место № 53, по Колодезному переулку, изначально отведенное мичману Тунде, уже в 1795-м передали «шкиперу майорского чина Окунькову». Его дочь состояла в браке с дворянином греческого происхождения капитан-лейтенантом Погонато, который поэтапно застраивал этот участок до сентября 1808 года, когда и получил владельческие документы на «дом и другие при нем строения»¹⁶⁵. Строения, которые мог видеть здесь Пушкин, наверняка были одноэтажными, причем фасад со стороны переулку не застраивался. То есть за забором находился двор, застроенный по периметру. Правый флигель выходил на красную линию торцом.

Казенный сад

Он располагался прямо напротив дома Дель Сассо. История дарения мною уже рассказана. Первые деревья, если верить А.М. де Рибасу, были посажены здесь в 1796 году.¹⁶⁶ Как этот сад обслуживался Феликсом и что собой представлял осенью 1806-го, сказать трудно. Во всяком случае, он привлекал к себе внимание, поскольку был первым опытом садоводства в историческом центре. Должность садовника Городского сада занимал чиновник Строительного комитета шляхтич Дзярковский, по совместительству – «форшмейстер», то есть форстмейстер, смотритель за планируемыми лесопосадками. «В обоих случаях, – сообщается в архивном документе от 28 июня 1809 года, – он при искусстве своем оказывал столько усердия, сколько желать можно. Наконец, бывши отправлен для опкупки дерев, захвачен на дороге скоропостижно болезнью и, лишен-

ный способ к помощи со стороны медицинских чинов, умер. По смерти его осталось его семейство в совершенном сиротстве, лишенное всякия ниоткуда помощи». Комитет в присутствии Ришелье, сострадая, определил: из числа его детей малолетнего сына Петра Дзярковского определить в здешнюю коммерческую гимназию, с тем, чтобы в течение двух лет его содержание оплачивалось из городских доходов, на особом

пансионе.¹⁶⁷ Поскольку в журнале заседаний Комитета от 15 марта 1809-го отмечено, что Ришелье приказал отпустить «ученому форштмейстеру Шульцу на покупку деревьев в Городовой сад трехсот рублей»¹⁶⁸, становится понятно: Дзярковский скончался, по крайней мере, месяцем ранее.

29 апреля того же года датирована расписка, отданная иностранцу Юзефу Курио смотрителем при Городовом саде Савоини по случаю принятия от него 150-ти тополей для сада ценою по одному рублю.¹⁶⁹ Стало быть, Савоини какое-то время уже служит в этой должности, а сад интенсивно пополняется тополями.

К слову, еще 1 ноября 1806-го Комитет рассчитался за купленные герцогом Ришелье для рассадки в городе 3.000 тополей. Деньги получил управляющий графа Потоцкого дворянин Рапацкий.¹⁷⁰ То есть саженцы доставили из окрестностей Умани. Как видно из городского плана Ф. Фраполли 1807 г.¹⁷¹, деревья были посажены в пределах, ограниченных улицами Преображенской, Успенской, Ланжероновской и Польской. Кроме того, охвачена вся четная сторона Преображенской от сада де Рибаса до самого приморского обрыва (вплоть до находившегося на склоне недостроенного и обветшавшего Морского госпиталя), Малый переулок, часть Гаванной – от этого переуллка до Ланжероновской, квартал Ремесленной – меж Троицкой и Успенской. Особое внимание уделялось Александровскому проспекту – как главному в то время коммерческому центру. Деревья рассадили в два ряда параллельно каждому из четырех отделений одноименной площади, в центре которой устроили овальный газон с палисадом. Далее, на протяжении четырех кварталов проспекта, деревья высаживались в один ряд (всего восемь рядов), причем возле Гостиных (Красных) рядов зеленые насаждения в 1809 г. окружили палисадами «для сбережения посаженных там на три отделения деревьев».¹⁷² К 1823-1824 годам тополя, конечно, подросли, но, видимо, не настолько, чтоб разубедить Пушкина насчет «насильственной тени».

Несколько слов об оказавшемся в поле нашего зрения Савоини. Помимо информации, почерпнутой в архивах и литературе, располагаю данными, полученными в приватном порядке от зарубежных корреспондентов. У нас широко известен лишь доблест-

ный военачальник генерал от инфантерии Еремей (Джеронимо) Яковлевич Савоини (1776-1836), протеже Иосифа де Рибаса. Как сообщают итальянские исследователи, Савоини – из простолюдинов. В середине 1780-х де Рибас пригласил главу семейства – флорентийского коммерсанта, часовщика, ювелира Джакомо (Якова) Савоини в Россию. У него было пятеро сыновей – Антон, Григорий, Еремей, Франц, Яков, причем судьба всех связана с Одессой. В архивных документах они фигурируют как владельцы недвижимости, чиновники, участники значимых событий городской жизни. Мы еще повстречаемся с ними по ходу нашего маршрута, а тут выясняется, что смотрителем бывшего сада де Рибаса был как раз друг семьи, Яков (Джакомо), отец. Путаница исключена, ибо Яков Яковлевич в это время состоял в воинской службе, подпоручиком Ладожского пехотного полка.

Содержание Городского сада, да еще при наличии «ученого форшмейстера», не требовало особых специальных знаний и сводилось в основном к административно-хозяйственной работе. Савоини с нею более чем успешно справлялся: «Публичный сад» постепенно благоустраивался. Встречаются его рапорты Комитету о плановых и неплановых расходах¹⁷³, о постройке беседки¹⁷⁴, палисада¹⁷⁵, ограждении дорожек¹⁷⁶, починке колодезного ворота, ремонте скамеек, покупке тополей, в том числе – у госпожи Потоцкой, оплате водовозам, возчикам песка и дерна, покупке инвентаря¹⁷⁷, устройстве ворот в палисаде, жаловании сторожа¹⁷⁸ и проч. Но самое интересное – упоминание о солнечных часах в Городском саду: это были первые в Одессе солнечные часы, а фактически и первые городские часы. Вот где проявился бывший часовщик из Флоренции. Поскольку 22 августа 1812 года речь идет об окраске палисада вокруг солнечных часов¹⁷⁹, постольку сей «хронометр» функционировал еще до начала чумной эпидемии.

30 декабря 1812-го Савоини еще отчитался перед Комитетом по поводу текущих расходов, а 30 октября 1813-го в заседании озвучена информация о «бывшем садовнике, ныне уже умершем Савоини». Какое-то время назад в Городской сад доставили бревна для ремонта колодца, однако расписка «в приеме оных от него, Савоини», не получена «по причине его болезни»¹⁸⁰. Мог ли

он пасть жертвой чумы? Маловероятно. Хотя полностью исключить такую версию нельзя.

В пушкинское время этого колодца уже не было: его засыпали и укрепили сводом в 1820-м под надзором архитектора Джованни Фраполли¹⁸¹.

Продолжение следует

Примечания

¹⁰⁴ Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 36-38; Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 333-341.

¹⁰⁵ Олег Губарь. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: «Optimum», 2011, с. 167-184.

¹⁰⁶ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 272, 279, 280, 287, 306, 307, 308, 353, 359, 363, 364-365.

¹⁰⁷ Там же, д. 287, л. 708-710.

¹⁰⁸ Пушкин. Статьи и материалы. Выпуск III. – Одесса, 1926, с. 88-89.

¹⁰⁹ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 145, ч. 2, л. 668; ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 405.

¹¹⁰ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 9, л. 4 об.

¹¹¹ Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215. – № 125

¹¹² Там же, ф. 59, оп. 1, д. 2606. – 329 л.

¹¹³ Там же, ф. 895, оп. 1, д. 247, 339

¹¹⁴ Валентин Пилявский. Здания, сооружения, памятники Одессы и их зодчие. – Одесса: «Optimum», 2010, с. 102.

¹¹⁵ ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 413.

¹¹⁶ Там же, д. 403.

¹¹⁷ Олег Губарь. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: «Optimum», 2011, с. 315-334.

¹¹⁸ ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 56.

¹¹⁹ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 275, л. 91, 495; Там же, д. 276, л. 285 об. – 286, 309 об., 486 и др.

¹²⁰ См., например: там же, ф. 59, оп. 1, д. 23, л. 148, 149.

¹²¹ Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 390, 476.

¹²² Там же, с. 37, 38, 196, 213, 221 и др.

¹²³ Олег Губарь. Автографы Одессы. – АО «ПЛАСКЕ». – Одесса. – 2012, с. 333-341; Первые кладбища Одессы. – Одесса. 2012, с. 338-339.

¹²⁴ ОГИКМ, инвентарный № К-443

- 125 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 278, л. 21.
- 126 Там же, д. 283, л. 163-164.
- 127 Там же, л. 784-785.
- 128 Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 24-32, 386-389.
- 129 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 284, л. 599-600.
- 130 Там же, д. 287, л. 45 об. – 47.
- 131 В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: «Друк», 2001, с. 64, 65, 71, 73.
- 132 Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 174-176, 242-247 и др.
- 133 Олег Губарь. Старые дома и другие памятные места Одессы. – Одесса: «Печатный дом», 2006, с. 112-127.
- 134 Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 593.
- 135 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 301-302.
- 136 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 73.
- 137 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 147.
- 138 Летопись жизни и творчества Пушкина: 1799-1826. – Ленинград: «Наука», 1991, с. 325; Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. – Ленинград: «Наука», 1989, с. 411-412 и др.
- 139 ГАОО, ф. 18, оп. 3, д. 7, л. 27-27 об.
- 140 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 163.
- 141 Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 9.
- 142 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 16, л. 1 об.
- 143 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 460, л. 1, 2, 3.
- 144 Там же, д. 153, ч. 1, л. 78.
- 145 Там же, ф. 17, оп. 3, д. 287, л. 1, 4, 5, 10.
- 146 Греки Одессы. Ч. I. Труды государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 314-315.
- 147 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 1209, л. 3-4.
- 148 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 284.
- 149 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 23, л. 81-82.
- 150 Там же, оп. 2, д. 1209, л. 3-4, 5.
- 151 Там же, оп. 1, д. 20, л. 5.
- 152 Там же, оп. 1, д. 75, л. 550.
- 153 Там же, ф. 17, оп. 6, д. 6.

- 154 Греки Одессы. Ч. I. Труды государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 276-277.
- 155 Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 191-202.
- 156 Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 179.
- 157 Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 150-157.
- 158 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 276, л. 415-417.
- 159 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 153, ч. 2, л. 467.
- 160 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 273, л. 137-138.
- 161 Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215. – № 82.
- 162 Одесский вестник. – 1827, 24 сентября (6 октября), № 75; Там же, 1828, 1 февраля, № 9; Там же, 4 февраля, № 10; Там же, 31 марта, № 25-26; Там же, 13 июня, № 47.
- 163 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 469. – 4 л.
- 164 Там же, оп. 2, д. 491. – 4 л.
- 165 Там же, оп. 1, д. 27, л. 186.
- 166 Владимир Чарнецкий. Вдали Италии своей. – Б. м. (Одесса) Б. г. (1993), «Титул», с. 33.
- 167 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 426.
- 168 Там же, л. 178.
- 169 Там же, л. 277 об.
- 170 Там же, д. 258, л. 155.
- 171 ОГИКМ, инвентарный № К-602.
- 172 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 138.
- 173 Там же, д. 262, л. 13.
- 174 Там же, д. 264, л. 70.
- 175 Там же, л. 98.
- 176 Там же, л. 102.
- 177 Там же, л. 102 об.
- 178 Там же, л. 229, 303, 507.
- 179 Там же, л. 323 об.
- 180 Там же, д. 266, л. 304.
- 181 Там же, д. 278, л. 209.

